

ДУХОВНЫЕ СТРАННИКИ. МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА С УИЛЬЯМОМ БЛЕЙКОМ

Общепринято убеждение в том, что до 1957 года Уильям Блейк был крайне малоизвестным автором в России. Так, например, А. В. Богданов пишет: «...о прямом влиянии Блейка <...> на русских символистов <...> говорить не приходится <...> До революции 1917 года влияние Блейка в России распространиться не успело».¹ Также нередко можно услышать мнение, что «существование Блейка как крупного поэта было официально признано в СССР в связи с празднованием его 200-летия в 1957 году».²

Для тех, кто признает некоторую известность Блейка в России до 1957 года, русская рецепция его творчества в первой половине XX века обычно представлена именами К. Д. Бальмонта, З. А. Венгеровой и С. Я. Маршака;³ в последние годы к ним прибавились исследования по русскому зарубежью и имена Б. В. Анрепа⁴ и А. М. Ремизова.⁵

Однако остается незамеченным и неучтенным ряд фактов знакомства с Блейком русских писателей в период 1900–1940-х годов. Порой это лишь мимолетные упоминания, иногда более серьезные факты рецепции, однако все они заслуживают анализа прежде всего потому, что таким образом более точно воссоздается поле культурного контекста русской литературы Серебряного века.

О достаточной известности Блейка говорит, например, такая любопытная цитата С. К. Маковского: «Мы доживаем эпоху увлечения, так сказать, метапсихическим творчеством, художественной правдой, не поддающейся рационализации, — иначе говоря, правдой касаний к Психее подсознательного. Потому-то и стали божками современности Гельдерлин, Блейк, Рембо, Джойс. Русский символизм до известной степени того же толка (не говоря уж об имажинизме и зауми разных оттенков)...»⁶ Ироническое звание «божка» говорит по крайней мере о значимости имени Блейка в русском культурном пространстве начала XX века.

¹ Богданов А. В. Мир как живая поэма: от Уильяма Блейка к Даниилу Андрееву через символизм // Даниил Андреев: pro et contra. Личность и творчество Д. Л. Андреева в оценке публицистов и исследователей. СПб., 2010. С. 183.

² Там же.

³ См., в частности: *Елистратова А. А.* Наследие английского романтизма и современность. М., 1960. С. 52–53, 68–69; *Васильева Т. Н.* Поэмы В. Блейка («Пророческие книги» 18–19 вв.) // Учен. зап. Киншинского гос. ун-та. 1969. Т. 108 (литературоведческий, секция зарубежных литератур). С. 298–311; *Bidney M.* A Russian Symbolist View of William Blake // *Comparative Literature*. 1987. Vol. 39. № 4. P. 327–339; *Yakovleva G.* Blake in Russia // *Blake Journal*. 2000. № 5. P. 69–71; *Косачева Е. В.* Йейтс и Блейк: Мистический язык и миф: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. С. 11–12; *Смирнова О. В.* Пророческие поэмы Уильяма Блейка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. С. 4–5; *Токарева Г. А.* Миф в художественной системе Уильяма Блейка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 3–6.

⁴ *Фарджен А.* Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа. СПб.: Звезда, 2003; *Сердечная В. В.* «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 225–242.

⁵ *Сердечная В. В.* Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of Heaven and Hell»: Загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 202–213.

⁶ *Маковский С. К.* Зинаида Гиппиус (1869–1945) // Гиппиус З. Н. Собр. соч. М., 2012. Т. 15. Белая дьяволица: З. Н. Гиппиус в критике. Воспоминания современников. С. 517.

Действительно, о Блейке писала Зинаида Венгерова⁷, писал о нем и переводил Константин Бальмонт⁸; всю жизнь переводил Самуил Маршак. Именно Блейком, кстати, Маршак запомнился Анне Ахматовой. В 1941 году Л. К. Чуковская цитирует ее слова: «Не говорите мне о Маршаке: с тех пор как он опять прочел мне *little lamb, little lamb* Blake'a я убедилась, что он застыл и будет читать то же самое до гробовой доски».⁹

У Ахматовой были причины несколько недолюбливать Блейка, хотя в конце жизни она и признает странное родство тематики его поэмы «Книга Тэль» и собственной поэзии.¹⁰ Дело в том, что два любимых Ахматовой человека, два важных мужчины в ее жизни, два поэта были равнодушны к Блейку. Первый — адресат ее лирики Борис Анреп; и второй — Николай Гумилев.

Впрочем, об интересе Гумилева к Блейку свидетельства обычно скорее случайные. Так, Ахматова отмечает в записной книжке 1966 года, видимо читая архив Гумилева, сходство его «Памяти» (1920) и отрывка «Иерусалим» из поэмы Блейка «Мильтон»:

«См. Блейк. Стр. 29.¹¹ Сравнить „Память“ Гум<илев>а.

Блейк

Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной

Гум<илев> («Память»)

Стены нового Ерусалима
На полях моей родной страны».¹²

Об этой параллели в 1958 году Ахматовой сказал Вячеслав Иванов (и сам переведший Блейка); она посчитала его допущение возможным, «тем более что к тому времени, после поездки в Англию, Гумилев уже знал английский язык и читал английских поэтов».¹³

Ряд переключек с поэмой Блейка «*Auguries of Innocence*» обнаружен и в стихотворении «Мой час» (1919).¹⁴

О заинтересованности позднего Гумилева Блейком говорят и некоторые дневниковые записи его современников. Г. В. Иванов вспоминает, как Гумилев жил, вернувшись в большевистскую Россию: жил скудно, однако «вставал поздно, слонялся

⁷ Венгерова З. А. Родоначальник английского символизма // Северный вестник. 1896. № 9. С. 81–99.

⁸ Бальмонт К. Д. 1) Уильям Блэк // Ежемесячные сочинения. 1900. № 11. С. 238–242 (подп.: Гридинский); 2) Праотец современных символистов (Уильям Блэк, 1757–1827) // Бальмонт К. Горные вершины. М., 1904. С. 43–48.

⁹ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Том первый. 1938–1941. М., 1997. С. 346.

¹⁰ Об этой дневниковой записи подробнее см.: Тименчик Р. Д. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. М., 2014. Т. 1. 480–481.

¹¹ Это, вероятно, отсылка к первому сборнику Блейка на русском языке (Блейк В. Избр. / Пер. С. Маршака. М., 1965), где на 29-й странице, во вступительной статье В. М. Жирмунского, процитирован перевод отрывка из поэмы «Мильтон»:

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

¹² Ахматова А. А. Записные книжки (1958–1966). М.; Торино, 1996. С. 706.

¹³ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 6 т. М., 2000. Т. 2: Статьи о русской литературе. С. 234.

¹⁴ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918–1921). С. 259–260 (комм.).

полуодетый по комнатам, читал то Блэка,¹⁵ то „Мир приключений“, присаживался к столу, начинал стихи...»¹⁶

Более интересное и развернутое свидетельство приводит Ирина Одоевцева. Пропитируем отрывок из ее дневниковой записи, относящейся примерно к 1920 году: «Но мне доказать, что Гумилев „не ошибся“ во мне, было иногда не по силам. Так, однажды он достал с полки том Блейка и протянул его мне. С Блейком я была знакома с детства и собиралась уже удивить Гумилева своими познаниями:

— Tiger, tiger in the wood...¹⁷ — начала я.

Но Гумилев, не обратив внимания на „тайгера“, открыл книгу.

— Вот тут я не совсем понимаю. Вы лучше знаете английский, чем я. Читайте вслух и переводите.

И я послушно стала читать. Я читала и ничего не понимала. Какие-то философские термины, какие-то математические исчисления, извлечение корней — тут же нарисованных. Отдельные понятные слова в непонятном сочетании. Я с трудом прочла полстраницы и остановилась.

— Ну, переводите же!

— Не могу, Николай Степанович. Я ничего не понимаю.

— Почему же вы не понимаете?

— Оттого, что слишком сложно. Я даже не поняла, о чем это.

Гумилев разочарованно развел руками и свистнул.

— Вот так-так! Значит, вы невежественны, как карп?

Я киваю.

— Даже невежественнее карпа, по-видимому, — ничего не понимаю.

— А я всегда был уверен, что поэты самые умные из людей и что философию они постигают, не учась ей. Что ж, я, по-видимому, ошибся. Я очень ошибся в вас.

Я мигаю обиженно и морщу нос».¹⁸

Здесь очевидно, что Гумилев интересуется уже не лирикой Блейка (как большинство его современников), а его большими «пророческими поэмами».

Блейк был серьезной фигурой в поэтическом мире Гумилева — в особенности позднего Гумилева. О некотором внутреннем творческом родстве поэтов пишет Вяч. Иванов: «Отказ Гумилева от риторической поэзии, завещанной XIX веком, не случаен: он и по сути хотел отказаться от многого в завещании этого столетия, оттого искал себе новых путеводителей. Возможно, одним из них был Блейк <...> Блейк был сродни той новой стихии прозрений и озарений, которая в пору восприятия „оттуда льющегося света“ охватила Гумилева».¹⁹

Об этом же несколькими иными словами ранее, в 1964 году, пишет Г. П. Струве: «...кроме стихов „магических“, в „Огненном столпе“ целый ряд стихотворений в совершенно новом для Гумилева духе, стихотворений, отличительная черта которых — то визионерство, те касания к неведомому, к непознаваемому, которые Гумилев-акмеист когда-то как будто осуждал в поэзии символистов. <...> Тут можно говорить уже о влиянии <...> английского поэта-визионера Уильяма Блейка, с поэзией которого Гумилев несомненно познакомился в свое последнее пребывание на Западе».²⁰

Если говорить о возможном творческом диалоге с Блейком-философом, Блейком-создателем мифа, то в этом свете можно по-новому увидеть такие стихи Гумилева 1919–1921 годов, как «Естество», «Душа и тело», «Слово», «Заблудившийся трамвай», «Память», «Канцона», «Звездный ужас», «Дева-птица», «Поэма начала». Это значительный материал для дальнейшего исследования.

¹⁵ Так фамилию Блейка писали в России вплоть до 1950-х годов.

¹⁶ Иванов Г. В. Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989. С. 444.

¹⁷ Здесь Одоевцева допускает ошибку в цитировании стихотворения Блейка «Тигр». В оригинале оно выглядит так: «Tiger, tiger, burning bright / In the forest of the night...».

¹⁸ Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 51–52.

¹⁹ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 2. С. 233–234.

²⁰ Струве Г. П. Творческий путь Гумилева // Н. С. Гумилев: pro et contra. Личность и творчество Н. Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб., 2000. С. 578.

Визиты Гумилева в Лондон в 1917 и 1918 году были важны для понимания его увлечения Блейком: там он проводил время с Борисом Анрепом, который ввел его в артистические и литературные круги Лондона. Гумилев оставляет у Анрепа записные книжки, награды и некоторые рукописи; этот архив потом будет передан Глебу Струве. Анреп был поклонником и считал себя последователем Блейка: его поэтические и художественные опыты, создание рукописной книги явно говорят об этом.²¹

Важнейший документ, подтверждающий серьезное внимание Гумилева к наследию Блейка, до сих пор, насколько нам известно, не введен в научный оборот. В комментариях к Полному собранию сочинений Гумилева издательства «Воскресение» указано, что он переводил поэму Блейка «The Mental Traveller»,²² однако сам текст перевода в изданных томах не приводится и более нигде как перевод не значится. Между тем автограф перевода первых семи строф из первой части поэмы «Духовный странник» («The Mental Traveller»; без указания автора оригинала) хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме (М.А.А. Ф. 20. Оп. 1. Д. 6; б/д).

В данной статье мы впервые предлагаем расшифровку этого перевода, с соблюдением требований современной орфографии и пунктуации. Сложности точного воссоздания текста связаны с неразборчивостью почерка Гумилева и с тем, что данный фрагмент существует, насколько нам известно, в единственном экземпляре. При воссоздании текста мы опирались как на текст перевода, так и на много подсказавший английский оригинал. Даже рискуя ошибиться в транскрипции ряда слов, мы считаем важным впервые представить этот яркий, хотя и явно черновой, текст спустя почти столетие читателю — в сопоставлении с оригиналом.

The Mental Traveller²³

I travelled through a land of men
A land of men and women too;
And heard and saw such dreadful things
As cold earth wanderers never knew.

For there the babe is born in joy
That was begotten in dire woe;
Just as we reap in joy the fruit
Which we in bitter tears did sow.

And, if the babe is born a boy,
He's given to a woman old,
Who nails him down upon a rock,
Catches his shrieks in cups of gold.

She binds iron thorns around his head,
She pierces both his hands and feet,
She cuts his heart out at his side,
To make it feel both cold and heat.

Her fingers number every nerve,
Just as a miser counts his gold;
She lives upon his shrieks and cries,
And she grows young as he grows old.

Духовный странник

Я странствовал среди мужчин,
Среди мужчин и женщин, да,
И видел ужас, о каком
Никто не слышал никогда.

Дитя там в счастье рождено,
Зачато в <чумных?> скорбях,
Так мы с восторгом рвем плоды,
Какие сеяли в слезах.

И если мальчик то дитя,
Оно старухе отдано,
Та пригвоздит его к скале
И выпьет стоны, как вино.

Скует ему стальной венец,
Ладони и ступни пронзит,
И сердце, вырвав из <груди?>,
Согреет и охолодит.

И сосчитает каждый нерв,
Как скряга <нрзб.>
И молодеет с каждым днем,
Тогда как стареется он.

²¹ См.: *Сердечная В. В.* 1) «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 225–242; 2) Из творческого наследия Бориса Анрепа // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. 10. С. 156–171.

²² Гумилев Н. С. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 309.

²³ Цит. по: *Blake W. Poems / Ed. by W. B. Yeats.* London: Routledge, 1905. P. 125. С большой вероятностью Гумилев, лично знакомый с Йейтсом, мог работать именно с этим изданием. В нем впервые (после изданий под редакцией А. Гилкрита и Д. Г. Россетти (1863) и под редакцией У. Б. Йейтса и Э. Дж. Эллиса (1893)) строфы стихотворения не пронумерованы. Однако в издании Йейтса 1905 года по сравнению с рукописным оригиналом Блейка несколько «выправлены» орфография и пунктуация. Также в издании 1905 года первые семь четверостиший стихотворения занимают как раз одну страницу.

Till he becomes a bleeding youth
And she becomes a virgin bright;
Then he rends up his manacles,
And binds her down for his delight.

He plants himself in all her nerves
Just as a husbandman his mould,
And she becomes his dwelling-place
And garden fruitful seventy-fold.

И вот он юношею стал,
И стала девушкой она,
Теперь надел он кандалы,
И ей душа его верна.

В нее он бросит все мечты,
Как пахарь семя в чернозем,
Она ему цветущий сад,
Она ему родимый дом.

Упоминание об этой рукописи Гумилева встречается в мемуарах П. Н. Лукницкого. В записи от 19 ноября 1925 года говорится: «АА и Пунин сели на диван. Я стал разбирать автографы Николая Степановича и дал АА автограф „Духовный странник“, разобранный мной сегодня. АА не соглашалась с моим чтением одной из строчек («Какие спели во слезах»), сказав, что правильно: „Какие сеяли в слезах“... Одно слово так и осталось неразобранным. Пунин долго вертел в руках листок, но и он не разобрал этого слова».²⁴ Насколько понятно из этой дневниковой записи, «Духовный странник», разбираемый спустя несколько лет после смерти Гумилева, воспринимался как оригинальное стихотворение (иначе было бы логично сверять его с оригиналом Блейка, где в соответствующей строке сказано: «Which we in bitter tears did sow»). Возможно, Ахматова распознала как аллюзию тот стих Библии, который перефразирует здесь Блейк: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью» (Пс. 125: 5).

Данный перевод не назван в диссертациях, посвященных Гумилеву, по смежным темам²⁵ и не отражен в статьях и монографиях. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что в научный оборот должен быть введен такой значительный факт рецепции Блейка в русской культуре начала XX века, как перевод Гумилевым первых семи четверостиший поэмы Блейка (возможно, что дальнейшие страницы данного перевода просто не сохранились — либо же еще могут быть найдены).

У оригинала «Духовного странника» и его перевода схожая судьба: поэма Блейка также десятки лет оставалась в рукописи (в так называемом «Манускрипте Пикеринга»). Написанная в 1803 году, она была впервые опубликована 60 лет спустя, в биографии Блейка Александра Гилкреста.²⁶

Почему Гумилева заинтересовал именно этот текст Блейка? Духовное странничество, возвращение в «Индию Духа», которое есть возвращение в райский сад, — сквозная тема поэзии Гумилева. Однако у Блейка в этот период его могло заинтересовать стремление эпически обобщить историю как таковую, нарисовать циклическую схему развития и увядания: вернувшегося в большевистскую Россию Гумилева не могла не интересовать историософия.

Поэмой восхищался Йейтс, с которым Гумилев познакомился в Лондоне. Йейтс писал: «„Духовный странник“ — это одновременно солнечный миф и история Воплощения. Это также образ времени и пространства, любви и нравственности, воображения и материализма <...>. Таким образом, мысли и мыслитель растворяются друг в друге, труды искусства и опыт любви становятся вратами, через которые духовное проникает в индивидуальное, а индивидуальное — проникается духовным».²⁷ Эта история всеоб-

²⁴ Лукницкий П. Н. *Acumiana*: Встречи с Анной Ахматовой. Paris: YMCA-press, 1991. Т. 1: 1924–25 гг. (См.: http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/a1_.txt (дата обращения: 31.08.2019)).

²⁵ Устиновская А. А. Переводы англоязычной поэзии, выполненные В. Я. Брюсовым, К. Д. Бальмонтом и Н. С. Гумилевым, в контексте символистского и акмеистского мировидения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016; Шабанова А. В. Влияние английской литературы на творчество Н. С. Гумилева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008; Дерина Н. В. Художественное мироздание Н. Гумилева и романтическая идея: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009.

²⁶ *Blake W. The Mental Traveller // Gilchrist A. Life of William Blake, «Pictor Ignatus»: In 2 vols. London; Cambridge: Macmillan and Co., 1863. Vol. 2. P. 98–102.*

²⁷ «The Mental Traveller is at the same time a sun-myth and a story of the Incarnation. It is also a vision of Time and Space, Love and morality, Imagination and materialism <...> Thus the thoughts and the thinker melt into one another, the labours of art and the experience of love being the gates through which the mental passes to the personal, and the personal to the mental» (*Blake W.*

щего взаимопроникновения должна была волновать Гумилева, который вскоре напишет свои самые сильные, самые глубокие, простые и загадочные стихи.

Видимо, Гумилев придавал особенное значение «Манускрипту Пикеринга» среди других произведений Блейка. Р. Д. Тименчик отмечает, что в планировавшемся сборнике Гумилева «Посередине странствия земного. Стихи 1921 —» эпитафией должны были стоять строки из стихотворения Блейка «Юдоль грез» («The Land of Dreams»), которое следует в манускрипте сразу за «The Mental Traveller»:

Father, O Father, what do we hear,
In this land of unbelief and fear?

Листок с проектом титульного листа этого несостоявшегося сборника хранился в бумагах П. Н. Лукницкого.²⁸

Перевод из «Духовного странника» был выполнен, вероятно, около 1919 года. Именно тогда Гумилев, вернувшийся из Лондона, активно занимался переводами с английского, сотрудничая во «Всемирной литературе»: он переводил стихи С. Колриджа и Р. Саути, баллады о Робин Гуде, входил в специальную коллегию издательства по стихотворным переводам. В 1919 году в проспекте «Всемирной литературы» все еще планировалось издание книги стихов Блейка.²⁹

Переводчиками стихов Блейка могли выступить три автора: Бальмонт, наиболее известный переводчик Блейка на тот момент, который упомянут в каталоге как принимающий участие в редакционной работе;³⁰ Маршак, который присылал Горькому свои переводы из Блейка и говорил о намерении собрать книжку переводов еще в 1915 году,³¹ и, наконец, Гумилев, который был упомянут в каталоге как один из экспертов редакционной коллегии (наряду с А. А. Блоком, Е. И. Замятиным, Лозинским, Чуковским и др.)³² и активно работал с переводами с английского.

Известно, что Горький недолюбливал Блейка, об этом пишет, например, Чуковский: «Маршак предложил во Всемирную свои переводы из Блэйка, и Горький забраковал их (из-за мистики)»;³³ «Горький говорил ему и даже писал: „Не стоит ваш Блэйк, чтобы Вы переводили его“». ³⁴ Об издании книги Блейка в СССР надолго нужно будет забыть.

Перевод Гумилева, выполненный по понятным причинам не позднее 1921 года, оказывается первым известным опытом перевода поэмы «The Mental Traveller» на другой язык. Следующим будет перевод на французский Августа Мореля и Анни Эрвю, опубликованный в журнале «Navire» в 1925 году; в 1935-м его переведет на испанский Пабло Неруда, и т. д.

На русский язык «The Mental Traveller» был переведен вновь только спустя полвека. Переводили его, под разными названиями, Виктор Топоров (1975),³⁵ Сергей Степанов (1993)³⁶, Галина Токарева (2004)³⁷ и Дмитрий Смирнов-Садовский (2010).³⁸ Попробуем сопоставить эти переводы (на примере первой строфы) с опытом Гумилева.

The works: In 3 vols. / Ed. by E. J. Ellis, W. B. Yeats. London: Bernard Quaritch, 1893. Vol. 2. P. 34, 36). Перевод мой. — В. С.

²⁸ Тименчик Р. Д. Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Т. 1. С. 480.

²⁹ Каталог издательства «Всемирная литература». Петербург, 1919. С. 61.

³⁰ Там же. С. 167.

³¹ Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1972. Т. 8. Избранные письма. С. 83.

³² Каталог издательства «Всемирная литература». С. 167.

³³ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 12. Дневник. 1922–1935. С. 371.

³⁴ Там же. Т. 13. Дневник (1936–1969). С. 380.

³⁵ Блэйк У. Странствие / Пер. В. Топорова // Поэзия английского романтизма. М., 1975. С. 99–103.

³⁶ Блэйк У. Путем духовным / Пер. С. Степанова // Блэйк У. Songs of Innocence and of Experience = Песни Невинности и Опыта. СПб., 1993. С. 215–225.

³⁷ Блэйк У. Странствие / Пер. Г. Токаревой // Блэйк У. Стихотворения. Поэмы. Пророчества. М., 2004. С. 69–72.

³⁸ Блэйк У. Странник Духа / Пер. Д. Смирнова-Садовского // Блэйк У. Poems and Ballads = Стихи и баллады. St Albans, UK; Colorado, USA: Create Space Independent Publishing Platform, 2016. Т. 4. С. 75–81.

Блейк	Гумилев	В. Топоров
I travelled through a land of men A land of men and women too; And heard and saw such dreadful things As cold earth wanderers never knew.	Я странствовал среди мужчин, Среди мужчин и женщин, да, И видел ужас, о каком Никто не слышал никогда.	Я странствовал в Стране Людей, Я был в Стране Мужей и Жен — И люты́й страх застыл в глазах, В ушах остался с тех времен.
С. Степанов	Г. Токарева	Д. Смирнов-Садовский
Я пересек Страну Людей, Мужчин и Женщин видел там — И Страх вошел в меня такой, Что на земле не ведом вам.	Шел странником я по земле, Мужчин и Женщин я встречал. Ужасный мир открылся мне, Неведомый иным очам.	В страну мужей, мужей и жен, Меня дороги завели, И ужас тот, что я узрел, Неведом странникам земли.

В оригинале у Блейка сразу обозначается аллегорический хронотоп притчи: «land of men» — это двойник нашего мира, хотя и принципиально иной по свойствам. В целом вся история носит притчевый характер, хотя она и по-блейковски физиологична. Интересен в этой строфе образ «cold earth wanderers» — это, по всей видимости, «обычные» странники, не обуянные огнем пророчества; это и «холодные» наблюдатели-ученые. Айзек Бауэр и Пол МакНелли отмечают: «...Земные странники „холодны“, потому что они максимально удалены от огня духовного очага».³⁹

В своем переводе Гумилев соблюдает основные принципы, заявленные им в статье о принципах стихотворного перевода (1919): соблюдение числа строк, точное сохранение строфы и метра, анализ собственного словаря поэта, соблюдение смыслового значения рифм. Гумилев отмечает: «В стихах часто встречаются параллелизмы, повторения полные, перевернутые, сокращенные, точные указания времени или места, цитаты, вкрапленные в строфу, и прочие приемы особого, гипнотизирующего воздействия на читателя. Их рекомендуется сохранять тщательно...».⁴⁰ В данном случае в переводе первых двух строк Гумилев воссоздает повтор, который есть и в оригинале; «too» в конце второй строки, опорная рифма строфы, заменяется на «да», то есть соблюдено равное количество слогов в рифмующемся слове, как и общая рифмовка только во 2 и 4 строке строфы.

Топоров допускает существенную неточность. В то время как рассказчик Блейка занимает внешнюю, спокойную повествовательную позицию, рассказчик Топорова оказывается вовлечен в ситуацию, причем необратимо: у него «застыл в глазах» и «в ушах остался» страх, очевидно мешающий дальнейшему восприятию, т. е. ситуация становится анти-пророческой, анти-провидческой.

Текст Степанова более спокоен по настроению и ближе к оригиналу. «Пересек» достаточно точно отражает выражение «travelled through». Однако последняя строка, вынужденно упрощенная по сравнению с концептом Блейка «cold earth wanderers», выглядит так, будто рассказ идет о другой планете или реальности, вне земли. Однако это не вполне точно. Буквально другая планета позиционируется в сатире Блейка «Island on the Moon»; здесь же хронотоп более аллегоричный, недаром это «land of men», страна людей, двойник нашего мира.

Перевод Токаревой отходит от оригинала в четвертой строке, «неведомый иным очам»; в целом же в строфе нет противопоставления «land of men» и «обычной» земли, столь важного для оригинала. Создается впечатление, что «ужасный мир» существует где-то на земле.

³⁹ «Earth wanderers are „cold“ because they are antipodally removed from the fire in the spiritual hearth» (Bower I., McNally P. «The Mental Traveller»: Man's Eternal Journey // Blake: An Illustrated Quarterly. 1978–79 (Winter). Vol. 12. Is. 3. P. 186). Перевод мой. — В. С.

⁴⁰ Гумилев Н. С. Переводы стихотворные // Принципы художественного перевода. Пб., 1919. С. 27.

Смирнов-Садовский достаточно близок к оригиналу; правда, в его тексте исчезает значимый эпитет «cold», который отмечает, что «странники земли» — не просто путешественники. Некоторое сомнение вызывает сочетание «дороги завели», которое подразумевает невольное, случайное вхождение рассказчика в «страну мужей, мужей и жен». Думается, здесь позиция рассказчика ближе к более известному «страннику» — лирическому герою «Бракосочетания Рая и Ада», который намеренно отправляется в аллегорический ад за «адской» мудростью.

Сопоставление пяти вариантов приводит к выводу, что перевод Гумилева отличается особенной поэтической цельностью мысли, единством настроения и силой воздействия. В остальных строфах он стремится к максимальной естественности стиля — вместе с сохранением деталей оригинала. Например, Гумилев сохраняет образ «скряги», «*misér*», в то время как во многих других переводах он утрачен.

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-189-196

© В. В. Десятов

ТРОПОЮ ЛЬВОВ: РОМАН В. В. НАБОКОВА «ПОДВИГ» И ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО

Эскизы «Подвига» на фоне экфрасиса Николая Гумилева

Начнем издалека, с творческой предыстории романа. Мартыну Эдельвейсу кажется, что «с изголовья кровати он однажды прыгнул в картину».¹ И в предисловии к английскому переводу романа Набоков подчеркнул, что путь Мартына в Зоорландию «только продлевать до нелогичного конца ту сказочную тропинку, которая петляла среди нарисованных деревьев на картине, висевшей на стене детской».² Исходя из этого, мы будем называть некоторые стихотворения Набокова 1920-х годов с аналогичным сюжетом эскизами «Подвига». Один такой эскиз-пейзаж уже был отмечен Александром Долиным: «Тема пути и образ тропы в „Подвиге“ восходят к стихотворению Набокова „Путь“ (1925). Ср.: „За поворотом, ненароком, / пускай найду когда-нибудь / наклонный свет в лесу глубоком, / где корни переходят путь, — / то теневое сочетанье / листья, тропинки и корней, / что носит — для души — название / России, родины моей“».³

Мы обратимся к стихотворениям «Рай» (1925) и «*Ut pictura poesis*» (1926). Приведем текст «Рая» полностью:

Любимы ангелами всеми,
толпой глядящими с небес,
вот люди зажили в Эдеме, —
и был он чудом из чудес.
Как на раскрытой Божьей длани,
я со святою простотой
изображу их на поляне,
прозрачным лаком залитой,

¹ Набоков В. В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 100. Далее ссылки на произведения Набокова даются в тексте по этому изданию, с указанием номера тома и страницы.

² Набоков В. В. Предисловие к английскому переводу романа «Подвиг» («*Glogy*») / Пер. М. Маликовой // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. Т. 1. С. 73.

³ Долин А. А. Истинная жизнь писателя Сириня: от «Соглядатая» — к «Отчаянию» // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода. Т. 3. С. 22.